

СИМПОЗИОН И СИМПОЗИУМ КАК ФОРМАТЫ ТЕКСТОВОЙ КУЛЬТУРЫ*

Зарапин Олег Викторович – кандидат философских наук, доцент. Таврическая академия КФУ им. **В.И. Вернадского**. Российская Федерация, 295007, г. Симферополь, пр-т академика Вернадского, д. 4; e-mail: zarapinolegg@gmail.com

Шапиро Ольга Александровна – кандидат философских наук, доцент. Таврическая академия КФУ им. **В.И. Вернадского**. Российская Федерация, 295007, г. Симферополь, пр-т академика Вернадского, д. 4; e-mail: shapiro.olha@gmail.com

В статье исследуется взаимосвязь смысла и коммуникативной ситуации, характерная для философского и научного текста. Анализ античного жанра «застольных бесед», восходящего к диалогу Платона «Пир», показывает, что диалог как форма построения текста определяет его смысл в соответствии с коммуникативными особенностями застольной беседы (симпозион). Этот коммуникативный механизм координирует текст (диалог) и реальность (симпозион), а его действие можно прояснить с помощью понятия «формат текста». Формат определяется результатом действия трех существенных характеристик текста: обстоятельствами его порождения, коммуникативной ситуацией между его автором и читателем и формой текста. Многообразие форматов в каждой культурно-исторической ситуации определяется актуальной текстовой культурой. Выявление и анализ симпозионного формата позволяет проследить трансформацию его текстового выражения от «застольных бесед» через «афоризмы» Нового времени до современных «тезисов» и «материалов круглого стола». Отмечается, что процесс трансформации текстовой культуры отражает изменения в социальной реальности как переход от античного симпозиона к французскому салону XVII в. и далее – к современному симпозиуму. Выявляется базовая особенность современного варианта формата симпозиона – сближение, а порой и интерференция коммуникативного и публичного измерений текста.

Ключевые слова: симпозион, конференция, круглый стол, научная коммуникация, формат, текстовая культура, аргументация, дискуссия, смысл

* Статья подготовлена при поддержке РГНФ, грант № 16-03-00120 «Влияние форматирования на смысл: изменения в текстовой культуре и трансформация коммуникации».

SYMPOSION AND SYMPOSIUM AS THE MODES OF THE TEXT CULTURE

Olga Shapiro – PhD in Philosophy, associate professor. Tavrida Academy, Crimean Federal University. 4 Akademika Vernadskogo avenue, Simferopol, 295007, Russian Federation; e-mail: shapiro.olha@gmail.com

Oleg Zarapin – PhD in Philosophy, associate professor. Tavrida Academy, Crimean Federal University. 4 Akademika Vernadskogo avenue, Simferopol, 295007, Russian Federation; e-mail: zarapinolegg@gmail.com

The article investigates the problem of the correlation between sense and communicative situation which characterizes philosophical and scientific texts. The analysis of ancient genre of “table-talk”, which goes back to Plato’s dialogue “Banquet”, shows that the dialogue as a text construction form defines the philosophical sense of the text in coordination with communication features of a real table-talk (symposion). This communicative mechanism coordinates text (dialogue) and reality (symposion), and its action can be clarified by “format of text” concept. It is determined by three essential characteristics of the text: the circumstances of his generation, communicative situation between the author and the reader, and the form of the text. The variety of formats in every cultural and historical situation is determined, in its turn, by the actual text culture. Identification and analysis of symposion format allows to trace the transformation of its textual expression of “Table Talk” through “aphorisms” of modern times to modern “abstract” and “round table materials”. It is noted that the process of cultural transformation of the text reflects the changes in the social reality of the transition from the ancient symposion to the French salon in the seventeenth century and further to modern symposium. It is revealed the basic feature of the modern version of symposion format that is convergence, and sometimes interference of communicative and public dimensions of the text.

Keywords: symposion, conference, round table, scientific communication, format, text culture, argumentation, discussion, sense

Коммуникация – важнейший компонент науки и как познавательной деятельности, и как социального института. Сегодня научная коммуникация реализуется в различных формах: конгрессы, круглые столы, защиты диссертаций, и пр. Деятельность ученого немислима без обмена идеями, дискуссий и споров, что создает атмосферу общения как стихии научной жизни, в которой культивируются тексты. Доклад, тезисы, стенограмма – формы текстов, порождаемых в процессе коммуникации; но и тексты продуцируют коммуникацию: именно посредством текстов общение воспроизводится. Научная коммуникация располагает текстовыми средствами самовоспроизводства, и мы полагаем, что этот феномен восходит к традициям текстовой культуры диалога.

В философии традиция диалогов берет свое начало в античности, ярко расцветая в диалогах Платона. В науке ее образцами служат «Диалог о двух славнейших системах мира – Птолемеевой и Коперниковой» и «Беседы и математические доказательства, касающиеся двух новых отраслей науки» Г. Галилея. Он пишет: «...наиболее удобным будет изложить эти мысли в форме диалога, который, не требуя

строгой последовательности математического доказательства, дает возможность делать отступления и касаться попутно предметов, не менее интересных, чем основная тема» [Галилей, 1964, с. 103]. Галилея привлекает именно возможность делать отступления, дающая большую свободу изложения, нежели форма научного трактата. Согласно П. Фейерабенду, «стиль и изящество выражения» выносятся в центр внимания в периоды рождения и становления новых идей [Фейерабэнд, 2007, с. 158]. Научная деятельность Галилея определяется Фейерабэндом как «существенная пропаганда» коперниканства [там же], в которой новая идея прокладывает себе дорогу, опираясь прежде всего на интерес, вызываемый формой изложения. Текст Галилея можно сопоставить с платоновским «Пиром»: в обоих случаях мы имеем дело с диалогом как полем взаимодействия мысли и языка, где процесс общения является самодостаточным и коммуникативная компонента выдвигается в основание интеллектуальной жизни. Коммуникативная нагруженность позволяет рассматривать диалог как форму текста, нацеленного на социализацию идей.

Исследование диалога как текстового феномена – традиция, идущая от М.М. Бахтина. Как отмечает Л.А. Микешина, Бахтин создал модель анализа, применимую в том числе «для исследования когнитивных текстов» [Микешина, 2010, с. 514]. Обратим внимание на идею Бахтина о различии между текстом (замкнутым на собственное содержание), и произведением (адресованным к прочтению), ибо она дает доступ к социализирующей силе диалога: в произведение входит «внетекстовый контекст», в котором оно понимается [Бахтин, 1995, с. 135].

На примере анализа платоновского «Пира» мы хотим показать, что существует механизм, обеспечивающий взаимодействие текста и контекста (диалога и коммуникативной ситуации застольной беседы), который мы обозначим как «формат текстовой культуры». При этом античный формат симпозиона имеет исторических «наследников» – современные симпозиумы, конференции и круглые столы.

«Пир» (Συμπόσιον) – единственный из диалогов Платона, название и структура которого повторяются другими авторами. Плутарх (I–II в. н.э.) в произведении «Застольные беседы» (Συμπλοσιακά) говорит об интеллектуальной традиции текстов, в которых представлены беседы на симпозионе. Вслед за Платоном Плутарх упоминает Ксенофонта, Аристотеля, Спевсиппа, Эпикура, Притана, Иеронима, Диона Академика [Плутарх, 1990, с. 5]. Из этого списка до нас дошли лишь тексты Платона и Ксенофонта. Кроме них сохранились и тексты более поздних авторов: Лукиана Самосатского, Афиней Навкратидского, Макробия.

Столь объемный текстовый материал и значительный период времени, в течение которого сохранялась традиция «Пира» позволяют считать «пир» состоявшимся жанром философского и научного текста. Его популярность связана с тем, что он сформировался на основе

повседневного уклада жизни античного общества, наследуя как традициям фольклора, так и образцам высокой поэзии. А.Ф. Лосев пишет: «Если основателем жанра симпозиоса можно считать Платона, то нельзя пройти мимо того факта, что и до Платона гомеровский эпос, а также лирика совершенно немислимы без темы застольной беседы» [Лосев, 1970, с. 513].

Важнейшая особенность жанра «пира» – распределение содержания текста по двум планам. На первом плане отображен симпозион как дружеская встреча приятелей с подробной характеристикой внешней обстановки; на втором – беседа, где в центре внимания оказывается вопрос или тема, по поводу которой каждый из присутствующих высказывает свое мнение.

Как соотносятся симпозион и смысл, обнаруживаемый участниками в общении друг с другом? Можно предположить – как внешняя форма и внутреннее содержание. Такая точка зрения, согласно Т.В. Васильевой, соответствует подходу, разработанному в рамках «Тюбингенской революции» в платоноведении [Васильева, 2008, с. 507]. Но существуют пределы, ограничивающие этот подход к прочтению Платона. Еще О.М. Фрейнденберг отмечала (к слову, задолго до появления идей тюбингенской школы) неразрывную связь между конструкцией смысла, обнаруживаемого в речах симпозиантов, и обстановкой симпозиона, в которой просматривается влияние балаганной культуры «сатурнического мима». Находя в «Пире» явные намеки на сатурналии, исследователь видит в «праздничном смешении площадного и возвышенного» основу конструкции смысла, высказываемого Сократом в речи о двойственной природе Эрота [Фрейнденберг, 1998, с. 302].

Эта особенность «Пира» позволяет считать симпозион неотъемлемой частью философствования, служащей условием творчества и сохранности смысла в качестве коммуникативно-подвижной, диалогически становящейся величины. Вне симпозионной опоры смысл трансформируется в монологически завершенную картину, превращая диалог в трактат. Эту трансформацию отражают «Римские вопросы» и «Греческие вопросы» Плутарха, где подразумеваемый симпозион взят в скобки и вместо живой беседы представлен сухой перечень анонимных мнений, каждое из которых «может быть», и все они лишены убедительности личной точки зрения [Плутарх, 1990]. О чем говорит эта трансформация текста и как можно ее интерпретировать? Обстановка симпозиона – форма интеллектуальной деятельности, проникающая непосредственно в само содержание философской и научной мысли; она задает конструкцию смысла, ее нельзя отделить и рассматривать как внешнюю. В первой застольной беседе Плутарха Кратон ставит вопрос о том, что «не одно и то же, исключать ли из симпозиоса риторику или исключать философию», ведь отделение сим-

позиона от философии представляется «грубым неразумием именно там, где господствует свободоречие, лишиться наиболее необходимых речей» [Плутарх, 1990, с. 6].

В качестве альтернативы понятию внешней формы мы предлагаем понятие «формат». Выражение «формат текста» изначально было связано с технологическими особенностями книгопечатания. Сегодня это не только технический термин, но и метафора (например: встреча «в формате без галстуков»). Но в обоих случаях слышен общий смысл того, что определяет вид печатного текста или характер встречи политических лидеров изнутри самого явления текста и встречи.

Какова роль симпозионного формата в тексте? Во-первых, в самом содержании произведения он отсылает к реальности, служащей источником текста, т. е. формат отражает условие создания текста. Во-вторых, в тексте воссоздается картина живого общения, где нет места анонимному смыслу. Здесь персонифицируется даже сокровенное знание, озвученное в платоновском «Пире» как речь, услышанная от Диотимы. В-третьих, он определяет коммуникативную ситуацию текста, задавая цели читателя и автора. Бессмысленно, взяв в руки текст формата симпозиона, читать его в прицеле ответа на вопрос «какое мнение правильное?». Также и автору, если он захочет изложить некую окончательную истину, формат симпозиона этого не позволит.

Какое значение и ценность представляет формат для текста? Отделив формат от текста в порядке мысленного эксперимента, мы получим «сырой» продукт, текстуру, неопределенный письменный материал. Его незавершенность проявляется в отсутствии культурного контекста, дающего ответы на вопросы «кто ты?», «как к тебе обращаться?». Формат делает текст явлением культуры: он дает «имя» и устанавливает идентичность. Способный ответить на вопросы – откуда? как читать? – текст заявляет о том, каким именно текстом он является.

Чтобы точнее определить раскрываемую форматом сферу идентичности, воспользуемся понятием «текстовая культура», обозначая так совокупность способов получения, хранения и трансляции текстов. *Симпозион – формат текстовой культуры*. Этот тезис расширяет границы проблемы жанровой особенности диалога «Пир», позволяя исследовать формат в перспективе его трансформаций в истории и полагая, что формат симпозиона не утратил своего значения, тогда как жанр «Пира» перестал быть актуальным.

Сформулируем наши вопросы: 1) что связывает философию с симпозионом в древности, выдвигая его в план формата текстовой культуры? 2) какие особенности в формате текстовой культуры отражают трансформацию симпозиона в его современные формы? Разработка этих вопросов предполагает вычленение образцовой для симпозиона коммуникативной ситуации и анализ используемой в ней аргументации.

Симпозион

Греческое τὸ συμπόσιον происходит от глагола συμπίνω «пить вместе». Связь философии и застолья – результат взаимопроникновения. Феон (персонаж «Застольных бесед» Плутарха) отмечает, что симпозиону постоянно грозит опасность «превращения то ли в народное собрание, то ли в школу софистов, то ли в игорный дом, то ли, наконец, в театральную сцену» [Плутарх, 1990, с. 16]. Симпозион – феномен общественной жизни, сходный с театром или школой и вместе с тем отличающийся особой целью; но его цель легко потерять из виду и этим все испортить. Участвуя в застолье, философ не просто разделяет беседу с сотрапезниками, он организует симпозион сообразно его назначению.

Плутарх пишет, что основная цель застольной беседы в том, чтобы «приятным общением способствовать возникновению и укреплению дружбы между его участниками...» [Плутарх, 1990, с. 16]; в греческом тексте она определяется как «φιλία» [Plutarch, 1969, p. 56]. Эта цель согласуется со смысловой основой всего происходящего за столом. Смысл симпозиона олицетворяет стоящий в центре кратер (κράτηρ), в котором вино смешивается с водой. Пить неразбавленное вино (ἄκρατοτότῳ) опасно, это ведет к безумию и смерти. Так могут пить скифы (варвары), сатиры или бог Дионис. Смешение (κράσις) вина и воды в правильной пропорции превращает яд в источник жизненной силы.

Смешение проникает и во внутренний мир индивида, опьянение стирает границу между разумностью и безумием: важно знать, когда остановиться. Три чаши, в которых чувствуется здоровье, любовная радость и сон, определяют границу благоразумия; излишек выпитого – путь к безумию. Симпозион дает возможность к самопознанию: опьянение позволяет познать меру и постичь добродетель умеренности.

Наконец, соприкосновение божественного и человеческого – важнейший ритуальный образ центральной для симпозиона идеи смешения. Пир начинается с принесения жертвы: этот ритуал предвещает симпозион и символизирует связь мира людей и мира богов.

Божественное и человеческое, разумность и безумие, друг и незнакомец оказываются в близости непосредственного соприкосновения. Смешение требует пропорции, застолье – подчинения установленному порядку, не допускающему хаоса в речах и поступках. Пропорция правильного смешения требует пронизательности философского ума. Распорядитель – симпосиарх (συμπόσιάρχος) – определяет, в каком соотношении следует смешивать вино и воду; он же определяет состав участников и характер развлечений. Чтобы справиться со всем, нужно владеть философским искусством, вносить «меру и своевременность» [Плутарх, 1990, с. 6] («μέτρον» и «καιρόν»). Это – философские

ориентиры идеи смешения, позволяющие ей проявиться в реальности успешного симпозиона. Современный французский эллинист Ф. Лиссарраг пишет: «Чтобы симпозион удался, нужно добиться правильного смешения – не только жидкостей, но и симпозиастов <...> а также сбалансированного сочетания самых разнообразных развлечений» [Лиссарраг, 2008, с. 28].

В то время как *φύλα* является практической целью симпозиона, смыслом происходящего выступает правильное смешение, в том числе и идей, которыми обмениваются участники. Неуместная мысль и неосторожное слово также вредны, как лишняя чаша вина. Содружество (цель) и правильное смешение речей (смысл) – условия, в рамках которых выявляется особенность коммуникативной ситуации симпозиона. Философская речь отличается вовсе не специфическим предметом обсуждения: в ней артикулируются условия коммуникативной ситуации симпозиона, напоминая собравшимся о цели и смысле происходящего. Для философа цель и смысл – это формат его речи. Придерживаясь формата, он одновременно выступает в роли участника и организатора симпозиона, даже не являясь официальным симпозиархом.

Вопрос о том, какой должна быть речь философа за столом, напрямую связан с вопросом о том, что служит образцом коммуникативной ситуации застолья. Плутарх обращает внимание на то, что произносимая за столом философская речь уместна, если она не доказывает, а, главным образом, убеждает. Поэтому не следует злоупотреблять отвлеченными понятиями, язык ярких образов и красочных мифов в большей мере соответствует характеру застольной речи. Сюда же следует отнести и требование согласованности с «общим интересом», и наставление, что застолье – не место для соревнования [Плутарх, 1990, с. 8].

Стремление уйти от воинственного столкновения в речах не исключает спор и демонстрацию аргументов. Ориентиры аргументации в коммуникативной ситуации симпозиона ясно определены: убеждение вместо доказательства, язык мифа и образов вместо силлогизмов и фактов. В каком споре это уместно, и какая аргументация такой способ убеждения может воплотить?

Споры симпозиастов – это дискуссии, т. е. споры ради совместного отыскания истины. Классик отечественной теории аргументации С. Поварнин писал о таком споре: «Он доставляет, кроме несомненной пользы, истинное наслаждение и удовлетворение, является поистине “умственным пиром”» [Поварнин, 2015, с. 500]. Именно в дискуссии может воплотиться идеал меры в результате смешения – и сопоставления – различных мнений и точек зрения.

Для аргументации симпозиона характерно широкое использование квазиаргументативных средств: мифов и ссылок на античных поэтов (используемых в виде «аргументов к авторитету»), образных

аналогий (зачастую ложных). Так, всем известен «миф об андрогинах» из Платоновского «Пира»; в этом же диалоге Федр цитирует стихи Гесиода и Парменида и ссылается на мифы об Алкестиде и об Орфее и т. д. [Платон, 1965]; Каллий у Ксенофонта на замечание, что он может делать людей справедливыми по отношению ко всем, кроме себя самого, отвечал аналогией, полагая ее веским аргументом: «Разве мало ты видал плотников и каменщиков, которые для многих других строят дома, но для себя не имеют возможности выстроить, а живут в наемных? Примиришь же, софист, с тем, что ты разбит!» [Ксенофонт, 1935, с. 219] В речи Агафона у Платона мы встречаем: «Утверждая, например, что Ата богиня, и притом нежная, – по крайней мере, стопы у нее нежны, Гомер выражается так: Нежны стопы у нее: не касается ими Праха земного она, по главам человеческим ходит. Так вот, по-моему, он прекрасно доказал ее нежность, сказав, что ступает она не по твердому, а по мягкому» [Платон, 1965, с. 147]. Здесь – сразу две уловки: аргумент к авторитету и необоснованный аргумент (поэтическое описание приравнивается к доказательству); Критобул у Ксенофонта использует «аргумент к городовому»: «Если я не красив, как я думаю, то было бы справедливо привлечь вас к суду за обман: никто вас не заставляет клясться, а вы всегда с клятвой утверждаете, что я – красавец» [Ксенофонт, 1935, с. 220]. Таких примеров в античных текстах – множество. В результате происходит смешение аргументов и квазиаргументации, рационального и эмоционального, анализа с апелляцией к чувственному восприятию.

Традиция высказываться «по кругу» – способ смешения речей и мнений. Она обуславливает специфическую многопотокową структуру дискуссии, полагающую возможность для каждого последующего оратора отвечать любому из уже говоривших или по своему усмотрению выносить на обсуждение новый ракурс обсуждаемой темы. Такое «круговое обсуждение» продуцирует запутанный клубок нелинейной аргументации, превращая дискуссию в своеобразную «игру в бисер». Восстановить ее читателю непросто. Для реконструкции аргументативных структур платоновского «Пира» А.П. Алексеев предлагает метод аргументационных карт, графическая репрезентация которых призвана помочь уследить за поворотами дискуссии. Этот метод позволяет «поставить вопрос об обогащении исследовательского инструментария средствами, ... позволяющими рассматривать те или иные составляющие философского текста в качестве парааргументационных... и квазиаргументационных» [Алексеев, 2006, с. 25]. Мы полагаем, что включение в карты преобладающих на симпозионе квазиаргументационных средств (ссылок на мифы, стихи и пр.) позволит разобраться в смешении идей и аргументов, приводимых симпозиастами.

Формат симпозиона в истории

Что делает уместным вопрос о формате симпозиона сегодня? Попробуем разобраться. Точкой отсчета послужит сравнение древнего симпозиона и французского салона XVII в. Подобно тому, как симпозион – это приятельский круг интеллектуальных («пустых») разговоров, салон возникает как частная альтернатива официозу придворного общения. Первый салон во Франции – отель Рамбуе, его хозяйкой была Катрин де Вивонн, маркиза де Рамбуе (1588–1665). Атмосфера интеллектуальной беседы и соблюдение политеса в кругу *grécieuses* (интеллектуальный и литературный круг уважаемых в светском обществе женщин) – ключевые особенности коммуникативной ситуации салона. Они созвучны смыслу умеренности и уместности, на основе которого строится симпозион.

В текстовой культуре салонный формат представлен жанром философского афоризма, традиция которого, как показывает О.М. Шульман, занимает заметное место в современной философской мысли [Шульман, 2011]. Ю. Хабермас полагает феномен салона весьма показательным. В работе «Структурная трансформация публичной сферы» он отмечает, что «во Франции салоны сформировали особенный анклав. <...> В салоне знать и крупная буржуазия ассимилируются по мере того, как знать общается с “интеллектуалами” на равных» [Habermas, 1991, с. 33]. Салон выступает предвестником широкомащтабного процесса социокультурной трансформации, охватившего Европу в XVIII в. и определившего современную жизнь общества. Этот процесс Ю. Хабермас обозначает как переход от «репрезентативной публичности» (*repräsentative Öffentlichkeit*), основанной на идее демонстративности статуса, к «буржуазной публичной сфере» (*bürgerliche Öffentlichkeit*): трансформация современной общественной жизни направлена в сторону слияния публичного и коммуникативного. Коммуникация вытесняет демонстрацию и тем самым задается новый смысл публичности.

В этом контексте формат симпозиона, отраженный в записи (публикация) застольной беседы (коммуникация), выглядит вполне уместным и выявляет интенцию философской мысли, соответствующую течению общественной жизни. «Эпоха симпозиона» оказывается прототипом современной «эпохи симпозиума», в рамках которой интеллектуальное одиночество, научные и философские изыскания как частное дело вытесняются на периферию социокультурного пространства.

Условной точкой начала «эпохи симпозиума» может служить дата первого Всемирного философского конгресса – 1–5 августа 1900 г. Российский литературный критик, переводчик и философ начала

XX в. Ю.А. Айхенвальд в 1901 г. опубликовал обзор конгресса, из которого ясно, что сам факт проведения конгресса участники восприняли в рамках назревшего вопроса о поиске новой социальной и публичной по своему характеру основы интеллектуальной жизни. Эмиль Бутру, председательствовавший на конгрессе, в своей вступительной речи обозначил вектор этого поиска. Айхенвальд так передает его слова: «То стремление смотреть на вещи *sub specie aeternitatis*, которое воодушевляло великих мыслителей прошлого, не исчезло и ныне. Но возможна ли такая энциклопедическая философия теперь? <...> Но то, что не под силу одному, осуществляет ассоциация умов, которые обмениваются между собою сокровищами фактов и идей. <...> Мы сошлись ради успеха философских наук, однако этот конгресс сослужит и иную службу: он объединит нас в близкую семью, он вызовет истинную дружбу, ...и позволит каждому наслаждаться чужой активностью мысли как своею собственной. Конгресс – символ и очаг той дружбы, которая да распространится среди людей!» [Айхенвальд, 2011, с. 131].

Обратим внимание на тональность: сообщество интеллектуалов представляется семьей, где царит атмосфера дружбы, позволяющей «наслаждаться чужой мыслью». В этой риторике видны следы античного симпозиона с его смешением общения и наслаждения, образующим особенный сплав чувственно-интеллектуальной жизни. Полагая современными преемниками симпозиона *круглый стол* и *симпозиум*, мы исследуем их коммуникативные особенности и способ воплощения в текстовой культуре в качестве новых состояний формата.

Круглый стол и симпозиум: коммуникация и форматы текста

Круглый стол и симпозиум образуют различные коммуникативные ситуации, но в обоих случаях центр коммуникативной ситуации и ее фокус не совпадают. В то время, как центр представлен докладом, в фокусе оказывается обсуждение; доклады делаются не столько ради информирования сообщества о полученных научных результатах (с этой задачей справилась бы и статья), сколько ради возникающих в результате докладов вопросов, комментариев и возражений. Именно они воплощают «ассоциацию умов», о которой говорил Э. Бутру.

Споры, возникающие в рамках симпозиума – это жестко модулируемые диспуты, предполагающие вращение дискуссии вокруг заявленного доклада. Аргументация в диспуте может состоять или из отдельных, не связанных блоков (каждый участник обсуждения акцентирует внимание на новом аспекте доклада), или иметь радиальную

структуру (обсуждение вращается вокруг одного и того же фрагмента доклада). При этом диспут зачастую пресекается модератором еще на этапе формулировки точек зрения. Участникам предлагается «продолжить обсуждение в кулуарах», т. е. в неформальной обстановке кофе-брейка или фуршета. Не связан ли такой перенос философских споров в неформальную обстановку с большей продуктивностью неформальной коммуникации?

Значение неформальной коммуникации в научном сообществе исследуется с 60–70-х гг. XX в., и наиболее значима для нас тут разработка концепции так называемых «невидимых колледжей». Автор этой идеи – Д. Бернал, но вхождением в лексикон современных исследователей научной коммуникации она обязана Д. Дж. де С. Прайсу. «Колледжи» представляют собой неформальные группы исследователей, работающих в рамках одной проблематики. Как пишет Прайс, большая часть значимой информация для работы ученого «поступает к нему <...> по неформальным каналам – бесед за бокалом вина, конференций, семинаров, препринтов и других компонентов “невидимого колледжа”» [Прайс, 1976, с. 96]. То есть неформальная коммуникация в научной среде обладает мощным творческим потенциалом.

В момент перехода диспута «в кулуары» происходит перелом: теряя формальную модерацию, кофе-брейк преобразовывает диспут в дискуссию, допускающую большую свободу в выборе аргументативных средств, многопоточность аргументативных структур, т. е. фактически... в симпозион!

Дискуссионный способ коммуникации в научном сообществе присущ и круглому столу – это живой разговор, в ходе которого должны возникать концептуальные контуры содержания предложенной тематики. Цель круглых столов, как пишет Б.И. Пружинин, – «выявление наиболее актуальных сюжетов и определение возможных направлений их дискуссионного развертывания» [Методологические проблемы публикации философских текстов, 2016, с. 8]. По-видимому, именно круглый стол и является прямым преемником симпозиона, совпадая с ним по целому ряду формальных признаков; причем круглый стол максимально соответствует модели критической дискуссии, разработанной голландской школой теории аргументации [Eemeren, Grootendorst, 1992].

В качестве убедительных аргументов в ситуации круглого стола может рассматриваться личный опыт участников дискуссии; допускаются шутки, обращение к эмоциям и пр. Это хорошо видно при анализе опубликованных материалов круглых столов. Например, круглый стол, посвященный методологическим проблемам публикации философских текстов [Методологические проблемы публикации философских текстов, 2016] Б.И. Пружинин начинает с истории из жизни (в качестве подтверждения актуальности поставленных вопросов).

Продолжающий его мысль В.К. Кантор приводит таких историй сразу пять подряд (в качестве индуктивного подтверждения тезиса); такую же стратегию для начала своей аргументации использует Т.Г. Щедрина и др. Кроме того, многие истории глубоко эмоциональны, насыщены яркими, и при этом не имеющими к телу аргументации отношения, эпизодами. К примеру, Е.В. Пастернак упоминает о том, как во время работы Ю.М. Лотман поил с ложечки новорожденного ребенка, конструируя при этом яркий, почти осязаемый образ. Аналогичным образом за круглым столом «Проблема междисциплинарности в контексте реформ современной науки» на личный опыт ссылаются В.С. Степин, С.А. Никольский и др. [Проблемы междисциплинарности в контексте реформ российской науки, 2016].

Итак, аргументативный рисунок различия симпозиона и симпозиума позволяет наметить ряд оппозиций: дискуссия – диспут, использование уловок аргументации – соблюдение правил критической дискуссии, развлечение – исследование, поэтический язык – язык научный, свободный и игровой характер коммуникации – жесткий регламент. Круглый стол в этом противопоставлении занимает промежуточную позицию: с симпозионом его сближает дискуссионная форма, равноправное положение всех участников, нелинейность аргументативной структуры, использование живого разговорного языка, а с симпозиумом – соблюдение правил критической дискуссии, исследование как цель коммуникации. Неформальная часть симпозиума замыкает эту цепочку, приближаясь по своей структуре к симпозиону.

Каким же образом форматы круглого стола и симпозиума находят свое воплощение в текстовой культуре? Мы находим три типа текста: 1) стенограмма (диалог), представляющая собой дословную запись всего коммуникативного процесса; 2) обзор (отчет) как интерпретация коммуникативного процесса его непосредственным участником или наблюдателем; 3) тезисы (материалы) – публикация докладов, заблаговременно присланных и прошедших рецензирование. Охарактеризуем каждый из них.

1. Стенограмма, позволяющая читателю непосредственно реконструировать (и интерпретировать!) весь коммуникативный процесс – современный тип текста, близкий записи симпозиона, в обоих случаях читателю непросто ориентироваться, восстанавливая в восприятии многопоточную аргументацию. Сложность обусловлена смешением всех пяти базовых видов связи аргументов с тезисами (единичная, сходящаяся, связанная, расходящаяся и серийная аргументации [Walton, Gordon, 2015]).

2. Обзор или отчет представляют собой текст-пересказ. Читатель получает готовый экстракт смысла от «очевидца». Такой текст сужает варианты интерпретаций, выделяя те смысловые акценты, которые

кажутся наиболее важными автору обзора. При этом теряются многие смысловые коннотации, присутствовавшие в непосредственных высказываниях участников круглого стола.

3. Материалы симпозиумов обычно публикуются в виде тезисов докладов. То есть диспут в печатном тексте вообще не отображается! Хотя именно эта часть симпозиума имеет наибольшую ценность, она остается «за кадром» для постороннего читателя. Тезисы – «рабочий материал» организации симпозиума, но для освещения результатов работы «ассоциации умов» он нерепрезентативен.

Каждый из этих типов текста по-своему соотносится с коммуникативным процессом: стенограмма воспроизводит процесс в его текущем состоянии, отчет фиксирует результат и подводит итог, а тезисы отсылают к началу и отражают запланированное. Такая расчлененность не характерна для классического симпозиона. Всякая попытка представить диалог «Пир» в современной редакции в виде наборов тезисов, стенограммы беседы или отчета, грозит непоправимым искажением смысла. Причина этого искажения – в особенностях коммуникативной ситуации текста, т. е. в том, что образует интенцию взаимодействия автора и читателя. Симпозион записывается, чтобы читатель мог почувствовать себя соучастником происходящего: посредством текста он обретает возможность своего бесконечного продолжения, где круг сотрапезников всякий раз пополняется новым участником. Тезисы, стенограмма, отчет не предназначены для этого; их цель – проинформировать общественность о происходящем, т. е. объективировать коммуникацию. «Сделать читателя соучастником» и «объективно отразить для читателя коммуникативный процесс» – в этом зазоре и складывается смысл того, что представляет симпозионный формат в современной текстовой культуре.

Подведем итоги. Первый вопрос нашего исследования состоял в том, чтобы выяснить, каким образом коммуникативная ситуация симпозиона определяет соответствующий формат текста. Полагаем, что протекающий в рамках застольной беседы коммуникативный процесс рискует сбиться с курса собственного смысла («правильное смешение»). Этот риск уменьшается при условии выработки доступного образца (текстовая запись застольной беседы). Так возник формат текста, в котором источником текста прописан симпозион, жанром – диалог, целью – указание на смысл симпозиона, а автором – философ и ученый. Второй вопрос состоял в выяснении исторической трансформации формата симпозиона. Он сохранил жизнеспособность, т. к. нашлось место для сопоставимого с симпозионом феномена салонного общения. В современности роль преемников симпозиона играют круглый стол и симпозиум. С точки зрения коммуникативных особенностей они отличаются параметром цели текста. Сегодня цель фило-

софского текста формата симпозиона не в том, чтобы раскрыть смысл разговорной полноты общения, а в том, чтобы информировать читателя о высказываемых мыслях и идеях и предоставить объективную картину коммуникативного процесса.

Список литературы

- Айхенвальд, 2011 – *Айхенвальд Ю.И.* Международный философский конгресс в Париже // *Филос. науки.* 2011. № 1. С. 129–136.
- Алексеев, 2006 – *Алексеев А.П.* Философский текст: идеи, аргументация, образы. М.: Прогресс-Традиция, 2006. 328 с.
- Афиней, 2004 – *Афиней.* Пир мудрецов в пятнадцати книгах. Кн. I–VIII / Пер. Н.Т. Голинкевича, под ред. М.Л. Гаспарова. М.: Наука, 2004. 655 с.
- Бахтин, 1995 – *Бахтин М.М.* К методологии гуманитарных наук // *Бахтин М.М.* Человек в мире слова. М.: Изд-во Рос. открыт. ун-та, 1995. С. 129–139.
- Васильева, 2008 – *Васильева Т.В.* Поэтика античной философии. М.: Акад. Проект; Трикста, 2008. 735 с.
- Галилей, 1964 – *Галилей Г.* Диалог о двух славнейших системах мира – Птолемеевой и Коперниковой / Пер. А.И. Долгова // *Галилео Галилей.* Избр. тр.: в 2 т. Т. 1. М.: Наука, 1964. С. 97–555.
- Ксенофонт, 1935 – *Ксенофонт Афинский.* Пир / Пер. С.И. Соболевского // *Ксенофонт Афинский.* Сократические сочинения. М.: Academia, 1935. С. 201–244.
- Лиссарраг, 2008 – *Лиссарраг Ф.* Вино в потоке образов. Эстетика древнегреческого пира / Пер. с фр. Е. Решетниковой. М.: Новое лит. обозрение, 2008. 176 с.
- Лосев, 1970 – *Лосев А.Ф.* Комментарии // *Платон.* Соч.: в 3 т. / Под общ. ред. А.Ф. Лосева и В.Ф. Асмуса. Т. 2. М.: Мысль, 1970. С. 479–602.
- Методологические проблемы публикации философских текстов, 2016 – Методологические проблемы публикации философских текстов: Материалы конференции «круглого стола». Участники: Б.И. Пружинин, Н.С. Автономова и др. // *Вопр. философии.* 2016. № 3. С. 5–50.
- Микешина, 2010 – *Микешина Л.А.* Диалог когнитивных практик. Из истории эпистемологии и истории науки. М.: Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2010. 575 с.
- Платон, 1965 – *Платон.* Пир / Пер. В.С. Соловьев и др. // *Платон.* Избр. диалоги / Сост., вступит. ст. и коммент. В. Асмуса. М.: Худож. лит., 1965. С. 118–184.
- Плутарх, 1990 – *Плутарх.* Застольные беседы / Пер. Я.М. Боровского. Л.: Наука, 1990. 592 с.
- Поварнин, 2015 – *Поварнин С.И.* Искусство спора. О теории и практике спора // *Поварнин С.И.* Соч. СПб.: Ин-т иностр. яз., 2015. С. 481–590.
- Прайс, 1976 – *Прайс, Д. Дж. де С.* Тенденции в развитии научной коммуникации – прошлое, настоящее, будущее / Пер. с англ. М.К. Петрова и Б.Г. Юдина // *Коммуникация в современной науке: сб. пер. / Под ред. Э.М. Мирского, В.Н. Садовского.* М.: Прогресс, 1976. С. 93–109.

Проблемы междисциплинарности в контексте реформ российской науки, 2016 – Проблемы междисциплинарности в контексте реформ российской науки. Материалы «круглого стола». Участники: В.И. Аршинов, В.Г. Буданов и др. // *Философия науки и техники*. 2016. Т. 21. № 1. С. 5-35.

Фейерабенд, 2007 – *Фейерабенд П.* Против метода. Очерк анархистской теории познания / Пер. с англ. А.Л. Никифорова. М.: АСТ: АСТ МОСКВА; ХРАНИТЕЛЬ, 2007. 413 с.

Фрейденберг, 1998 – *Фрейденберг О.М.* Миф и литература древности. 2-е изд., испр. и доп. М.: Издат. фирма «Восточ. лит.» РАН, 1998. 800 с.

Шульман, 2011 – *Шульман О.* Афоризм как философский жанр во французской салонной культуре XVII в. и в современной французской мысли // *Человек вчера и сегодня. Междисциплинар. исслед.* Вып. 5. М., 2011. С. 197–214.

Eemeren, Grootendorst, 1992 – *Eemeren F.H. van, Grootendorst R.* Argumentation, Communication and Fallacies. A Pragma-Dialectical Perspective. Hillsdale: Lawrence Erlbaum Associates, 1992. 236 p.

Habermas, 1991 – *Habermas J.* The Structural Transformation of the Public Sphere. An Inquiry into a Category of Bourgeois Society. Cambridge, Mass.: The MIT Press. 1991. 301 p.

Plutarch, 1969 – *Plutarch.* Moralia. 16 Vols. Vol. VIII. Harvard University Press, 1969. 424 p.

Walton, Gordon, 2015 – *Walton D., Gordon T.F.* Formalizing Informal Logic // *Informal Logic*. 2015. Vol. 35. No. 4. pp. 508–538.

References

Athenaeus. *Pir mudretsov v pyatnadsati knigakh* [The Deipnosophistae]. Moscow: Nauka, 2004. 655 pp. (In Russian)

Alekseev, A. P. *Filosofskiy tekst: idei, argumentaciya, obrazy* [Philosophical text: ideas, reasoning, images]. Moscow: Progress-Traditsiya, 2006. 328 pp.

Aykenval'd, Yu. I. “Mezhdunarodnyy filosofskiy kongress v Parizhe” [Paris International Philosophical congress], *Filosofskie nauki*, 2011, No. 1, pp. 129–136. (In Russian)

Bakhtin, M. M. K metodologii gumanitarnykh nauk [On the methodology of the humanities], in: Bakhtin M.M. *Chelovek v mire slova* [The man in the world of the word]. Moscow: Izd-vo Rossiiskogo otkrytogo un-ta, 1995, pp. 129–139. (In Russian)

Eemeren, F.H. van, Grootendorst, R. *Argumentation, Communication and Fallacies. A Pragma-Dialectical Perspective*. Hillsdale: Lawrence Erlbaum Associates, 1992. 236 pp.

Feyerabend, P. *Protiv metoda. Ocherk anarkhistskoi teorii poznaniya* [Against Method. Outline of an Anarchist Theory of Knowledge]. Moscow: AST: AST МОСКВА; KhRANITEL, 2007. 413 pp. (In Russian)

Freydenberg, O.M. *Mif i literatura drevnosti* [The myth and literature of antiquity]. Moscow: «Vostochnaya literatura» RAN, 1998. 800 pp. (In Russian)

Galilei, G. “Dialog o dvukh slavneishikh sistemakh mira – Ptolemeevoy i Kopernikovoy” [Dialogue Concerning the Two Chief World Systems], in: Galileo Galilei. *Izbrannyye Trudy v dvukh tomakh* [Selected works in two volumes]. Vol. 1. Moscow: Nauka, 1964. pp. 97–555. (In Russian)

Habermas, J. *The Structural Transformation of the Public Sphere. An Inquiry into a Category of Bourgeois Society*. Cambridge, Massachusetts: The MIT Press, 1991. 301 pp.

Lissarrague, F. *Vino v potoke obrazov. Estetika drevnegrecheskogo pira* [The Aesthetics of the Greek Banquet: Images of Wine and Ritual]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2008. 176 pp. (In Russian)

Lovev, A.F. „Kommentarii“ [Commentaries], in: Plato. *Sochineniya v 3-kh t.* [Works in 3 vol.]. Moscow: Mysl', 1970, vol. 2, pp. 479–602. (In Russian)

Metodologicheskie problemy publikatsii filosofskikh tekstov. Materialy konferentsii-“kruglogo stola” [Methodological problems in the publication of philosophical texts. Materials of the Conference – “Round Table”] Uchastniki [participants]: B. I. Pruzhinin, N.S. Avtonomova etc., *Voprosy filosofii*, 2016, No. 3, pp. 5–50. (In Russian)

Mikeshina, L.A. *Dialog kognitivnykh praktik. Iz istorii epistemologii i istorii nauki* [Dialog of Cognitive Practices. From History of Epistemology and Philosophy of Science]. Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 2010. 575 pp. (In Russian)

Plato. Pir [The Symposium], in: Plato. *Izbrannye dialogi* [Selected dialogues]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1965. pp. 118–184. (In Russian)

Plutarch. *Zastol'nye besedy* [Table-Talk]. Leningrad: Nauka, 1990. 592 pp. (In Russian)

Plutarch. *Moralia*. 16 Vols. Vol. VIII. Harvard University Press. 1969. 424 pp.

Povarnin, S. I. „Iskusstvo spora. O teorii i praktike spora“ [Dispute art: Theory and practice of dispute], in: Povarnin S. I. *Sochineniya* [Works]. St. Petersburg: Institut inostrannykh yazykov, 2015, pp. 481–590. (In Russian)

Price, D. J. de S. “Tendentsii v razvitii nauchnoy kommunikatsii proshloe, nastoyashchee, budushchee” [Communication in Science: The Ends], in: *Kommunikatsiya v sovremennoy nauke* [Communication in the modern science]. Moscow: Progress, 1976, pp. 93–109. (In Russian)

Problemy mezhdistsiplinarnosti v kontekste reform rossiyskoy nauki. Materialy “kruglogo stola” [The Problem of Interdisciplinarity in the Context of the Russian Science Reforms. Papers of the “round table”] Uchastniki [participants]: V. I. Arshinov, V. G. Budanov etc., *Filosofiya nauki i tekhnika*, 2016, Vol. 21, No. 1, pp. 5–35. (In Russian)

Shul'man, O. “Aforizm kak filosofskiy zhanr vo frantsuzskoy salonnoy kul'ture XVII v. i v sovremennoy frantsuzskoy mysli” [Aphorism as a Philosophical Genre in the Culture of French Salons of the 17th century and in the Contemporary French Thought], in: *Chelovek vchera i segodnya. Mezhdistsiplinarnye issledovaniya*. Moscow, 2011, Vol. 5, pp. 197–214. (In Russian)

Vasil'eva, T. V. *Poetika antichnoy filosofii* [Poetics in the Antique Philosophy]. Moscow: Akademicheskii Proekt; Triksta, 2008. 735 pp. (In Russian)

Walton, D., Gordon, T.F. “Formalizing Informal Logic”, *Informal Logic*, 2015, Vol. 35, No. 4, pp. 508–538.

Xenophon. “Pir” [The Banquet], in: Xenophon. *Sokraticheskie sochineniya* [Socratic works]. Moscow: Academia, 1935, pp. 201–244. (In Russian)